

ЙИРЖИ ГАЗДА

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИОННЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Сопоставительное изучение динамических процессов, происходящих в современных славянских языках, в частности в их словарном составе, представляет собой одно из самых популярных в настоящее время направлений в области лингвистической славистики (ср., напр., Бенковичова, 1998; Газда, 2000; Нецименко, 1999; Kořenský, 1998; Savický, 1999; Zemskája, 1999). В центре внимания социолингвистов, лексикологов и дериватологов находятся в основном вопросы социально обусловленных изменений в лексике, заимствования иноязычных слов и продуктивности сравнимых в функционально-структурном плане словообразовательных моделей. Большинство такого рода исследований методологически базируется на системном сопоставлении соответствующих пластов лексики и словообразовательных средств в духе традиционных структурно-сопоставительных приемов.

Хотя указанные принципы находим в качестве основных методологических инструментов также в большинстве работ, занимающихся тенденциями развития словарного состава русского и чешского языков, тем не менее можно в соответствующих национальных лингвистиках наблюдать некоторые методологические расхождения, обусловленные разной лингвистической традицией, а также хотя во многом похожей, но все-таки не совсем одинаковой общественной и языковой ситуацией. Эти различия, однако, скорее чем в разных методологических приемах, проявляются в расстановке акцентов на отдельных аспектах синхронной динамики и связанных с ней процессов, происходящих в лексике.

Наибольшие сходства в подходах к исследованию лексических инноваций в русской и чешской лингвистиках наблюдаются в области изучения способов номинации, при помощи которых осуществляется пополнение словарных составов сравниваемых языков новыми наименованиями, т. е. в описании лексического заимствования и словопроизводства.

Невзирая на упомянутые выше методологические нюансы, в большинстве исследований по данной проблематике так или иначе рассматриваются три основных типа взаимосвязанных лексических инноваций:

1. Качественные изменения (разного рода семантические процессы, сдвиги значений, изменения смысловых коннотаций, деидеологизация, детерминологизация, переориентация номинаций, метафоризация, образование семантических неологизмов и т. п.),

2. Изменения в области словоупотребления (процессы актуализации и пассивизации определенных пластов лексики, стилистические сдвиги, активизация употребления сниженной и иноязычной лексики, общая субстандартизация словарного состава),

3. Инновации в способах номинации (лексическое заимствование, словопроизводство).

Приведенное разделение областей исследования является, однако, схематичным и упрощенным, так как отдельные критерии данной классификации в действительности взаимно перекрещиваются, дополняя и обуславливая друг друга.

Оставляя в стороне сложные вопросы семантических сдвигов и во многом совпадающие в обоих языках изменения в области словоупотребления, включая популярную проблематику массового вторжения в славянские языки англицизмов, мы хотим более подробно остановиться только на некоторых вопросах сходств и различий в области активизировавшихся в сопоставляемых языках способов номинации, а именно на тех словообразовательных процессах, активизация которых вызвана в основном экстралингвистическими факторами, т. е. социально-политическими изменениями последних 10–15 лет.

Одним из важных моментов современной языковой ситуации является факт, что отдельные языковые общности и соответствующие языки не находятся в изоляции, а развиваются в контакте с другими общностями и их языками, являясь составной частью более широкого географического, политического и культурного ареала. В результате происходящих в мире глобальных процессов в области языка усиливаются, помимо других процессов, тенденции к **интернационализации словарного состава национальных языков**.

Интернационализация словарного состава славянских языков, в том числе русского и чешского, проявляется, с одной стороны, в лексическом заимствовании, т. е. в активизации использования в них иноязычных слов, в основном англицизмов и американизмов, с другой стороны, в интенсификации в процессе неологической номинации использования словообразовательных элементов иноязычного происхождения.

Не намереваясь подробно заниматься проблематикой заимствований, напомним только о факте, что на современном этапе речь идет не только о проникновении иноязычных неологизмов в словарный состав исследуемых языков, но также об актуализации раньше заимствованных слов-терминов из области экономики, финансового дела, торговли и т. д.

С точки зрения словообразовательных процессов иноязычные наименования интересны постольку, поскольку они сами становятся мотивирующими основами для образования принадлежащих к разным частям речи новых производных наименований. Базовыми словами, на основе которых создаются новые словообразовательные гнезда, становятся в основном иноязычные существительные из области политики, экономики, торговли, вычислительной техники, а также спорта, культуры, моды или быта. В качестве примера можно привести словообразовательные гнезда слов *спонсор/sponzor* в русск. и чешск. языках: русск. *спонсор, спонсорский, спонсировать, спонсирование, спонсорьё*; чешск. *sponzor, sponzorský, sponzorovat, zasponzorovat, sponzorování, sponzorství*.

От заимствованных существительных возникают путем присоединения соответствующих аффиксов прежде всего новые прилагательные: русск. *бартерный, брокерский, ваучерный, дилерский, консалтинговый, лизинговый, офисный, тендерный, трастовый, факторингový, фьючерсный, электоральный; андерграундный, клиповый, ксероксный, пейджинговый, рейтингový, софтверный, тинэйджеровский*; чешск. *barterový, brokerský, castingový, dealerský, grantový, leasingový; e-mailový, freewerový, internetový, sharewerový; feelingový, happeningový, klipový, paintballový, peelingový, squashový*.

Более редко путем суффиксации образуются новые глаголы: русск. *лоббировать, локализовать, пролонгировать, пикетировать, спонсировать; ксерить, факсовать*; чешск. *bootovat, draftovat, faxovat, internetovat, joggovat, mailovat, upgradovat, xeroxovat*. Глагольные новообразования, а также раньше заимствованные иноязычные слова, затем обрастают другими аффиксами, придающими производным глаголам чаще всего грамматическое значение совершенного вида, что способствует еще более полному усвоению этих наименований данными языками. В русск. яз. активны особенно префиксы *про-*, *с-* и *от-*: *пролоббировать, профинансировать; спрофилировать, спрогнозировать; отрефлексировать, отрекламировать, отрецензировать*; в чешск. яз. наиболее продуктивны глагольные приставки *od-* (*oddotovat, odfaxovat, odstalatovat, odmonopolizovat*), *vy-* (*vydefinovat, vydraftovat, vyreklamovat, vysponzorovat*), *z-* (*zdigitalizovat, zkomprimovat, zkonvertovat, zmonitorovat, zresetovat, zunitarizovat*), *za-* (*zafaxovat, zalobovat, zasurfovat, zazipovat*).

Преобладающее большинство приведенных новообразований возникает в сфере профессионального общения, но многие из них через посредство масс-медиа проникают в обиходно-разговорный и литературный язык.

Процесс интернационализации словарного состава славянских языков, однако, не исчерпывается одним только лексическим заимствованием и включением заимствований в словообразовательные процессы, но проявляется также в интенсификации в процессе неологической номинации употребления иноязычных словообразовательных морфем разного типа и происхождения. Речь идет, во-первых, об активизации употребления

аффиксальных морфем иностранного происхождения, соединяющихся с основами как иностранного, так и славянского происхождения, и, во-вторых, о процессе превращения иноязычных слов или корневых морфем в новые словообразовательные аффиксы.

Аффиксы иноязычного происхождения активно используются прежде всего в области **именной префиксации**, т. е. в процессе образования новых существительных и прилагательных. В словопроизводстве 90-х гг. особую частотность приобрели префиксы, служащие для выражения важных с исторической точки зрения общественных явлений и процессов.

Семантику устранения, ликвидации старых устоев и их последствий выражают существительные с приставкой *de-/de-* (русск. *дебюрократизация, деидеологизация, деколлективизация, демонополизация, деполитизация, десоциализация, десоветизация, детоталитаризация*; чешск. *debolševizace, deetatizace, deideologizace, dekriminalizace, delegitimizace, demonopolizace, derusifikace, detabuizace*), причем данная приставка в обоих языках сочетается преимущественно с существительными на *-изация/-izace*.

В исследуемый период возрасла также активность префикса *post-/post-*, обозначающего признаки или явления, характерные для времени, наступающего после переломных общественных событий. Префикс *post-/post-* участвует прежде всего в образовании новых прилагательных (русск. *постимперский, постколлективистский, посткоммунистический, постперестроечный, постсоциалистический, постсоветский, посттоталитарный*; чешск. *postfederální, postinvazní, postkolchozní, postkomunistický, postsocialistický, postsovětský, poststudnoválečnický, posttotalitní, postvelmocenský*). В чешск. яз. повышенная частотность наименований с этой приставкой способствует повышенной по сравнению с предшествующим периодом словообразовательной активности префикса *post-* вообще, о чем свидетельствуют появляющиеся в газетных текстах многие нетерминологические образования окказионального характера (*postkatastrofický, postmanželský, postsezonní, posttelevizní*).

Семантика прекращения действия признака, выражаемого базовым словом, свойственна также производным существительным с приставкой *экс-/ex-*, называющим лица. Неологизмы с данной приставкой тоже обслуживают главным образом область политической жизни (русск. *экс-коммунист, экс-парламентарий, экс-прмьер; экс-жена*; чешск. *exdiplomat, exdisident, exkomunista, exmluvčí, exposlanec, expremiér; expolicista, expřítel, exreprezentant, exředitel*).

Политический словарь 90-х гг. значительно пополнился также новыми существительными и прилагательными с приставкой *анту-/anti-*, выражающей семантику отрицания, противодействия, уничтожения результатов чего-либо: русск. *антирынок, антипарламент, антирыночник, антисоюзный, антисталинизм, антицентристский; антигорбачевцы, антиельцинцы, антируцкисты*; чешск. *antievropan, antievropství,*

antilobby, antirasismus, antireforma, antireformista, antitrh; antievropský, antimonopolní, antipolitický, antireformní, antirežimní, antiromský, antitržní. Как видно по приведенным примерам, многие наименования несут характер публицистических неологизмов, модных слов, неологизмов контекста, т. е. новообразований, не претендующих на закрепление в языке, а создающих образ общественной и языковой ситуации данного периода жизни общества.

В чешском языке, в отличие от русского, интернациональной приставке *anti-* конкурирует не менее продуктивная чешская приставка *proti-* того же значения, используемая, однако, только в значении противодействия. В данном значении в чешск. яз. отдается предпочтение словам, в основном прилагательным, именно с этой приставкой: *protipartheidní, proticizinecký, protidrogový, protiekologický, protifederální, protifeministický, protilustrační, protimonopolní, protioficiální, protirežimní, protiteroristický, protitržní*). В русск. яз., в свою очередь, репертуар продуктивных префиксов с основным значением отрицания дополняет приставка *контр-*, производящая существительные процессуальной семантики, обозначающие нечто, направленное против того, что называет базовая основа (*контраргументы, контрвыступление, контрдемонстрация, контрконцепция, контрлозунги, контрмитинг, контрреформа*). В чеш. яз. данный префикс в настоящее время почти полностью утратил продуктивность (*kontrakultura, kontraopatření; kontraproduktivní*).

В основном речевой, окказиональный характер несут новые существительные и прилагательные с приставкой *псевдо-/pseudo-*, вносящие в данные наименования семантику разоблачения лживости и фальшивости явлений, обозначаемых мотивирующим словом, чаще всего названий процессов и явлений, касающихся области политики, идеологии, истории а также названий лиц: русск. *псевдопатриотический, псевдо-рыночный, псевдоисторический; псевдосвобода, псевдокультура, псевдосоциализм, псевдокапитализм, псевдореволюция, псевдопутч, псевдопартийность; псевдодемократ, псевдогуманист, псевдомонархист, псевдореформатор*; чешск. *pseudofederální, pseudohumanitární, pseudokřesťanský, pseudostátní, pseudosociální; pseudodružstvenictví, pseudoprofesionál, pseudoreklama, pseudorovnostář*).

Ограниченной продуктивностью в данном контексте обладает префикс *про-/pro-*, придающий новым наименованиям значение «в пользу, в интересах кого или чего». Как отмечает Е. А. Земская (Земская, 1996, с. 114), в русск. яз. этот префикс ранее сочетался с прилагательными, произведенными от названий стран или режимов (*проамериканский, профашистский*), выражая обычно негативную оценку. В наши дни префикс *про-* используется шире, чем раньше, причем одновременно происходит деидеологизация производных с этой приставкой, выражающих не только негативную, но также положительную оценку (русск. *проинфляционный, проправительственный, пропрезидентский, произраильский, пронатовский, прорыночный, проельцинский*; чешск. *pro-*

evropanský, profederální, proiránský, proislámský, proizraelský, proprlamentní, proreformní, prorůstový; proevropan, profederalista).

Скорее периферийным с точки зрения продуктивности интернациональных префиксов является префикс *pe-/re-*, встречающийся в новообразованиях, главным образом существительных и глаголах, со значением восстановления прежнего положения или повторности: русск. *рефинансирование, реструктуризация, реэкспорт*; чешск. *refinancování, regermanizace, rekodifikace, repolonizace, restrukturalizace, rekorytizace; re-kodifikační, rekodifikovat).*

Ради полноты изложения напомним о продолжающейся словообразовательной активности производной приставки *супер-/super-*, хотя нововозникающие выражения в большинстве случаев прямо не связаны с лексическим полем общественно-политических изменений. Повышенная частотность образования и употребления подобных слов связана, с одной стороны, с обозначением явлений, связанных с научно-техническим прогрессом, с другой стороны, со свойственной современным языкам тенденцией к повышенной экспрессии (русск. *супердорогой, супердешевый, суперосторожный, суперфантастический; суперпрофессионал, суперпианист, суперреформатор, суперцена, суперсредство, супертуннель*, чешск. *superkvalitní, superlevný, superbezpečný, superhvězdný, supervytrvalecký, superpočítačový; superbyznys, supercena, superhotel, superpočítač, supersleva, superklub, superhit, superkvalita, superprojekt, superturnaj, superstřelec).*

В сопоставительном плане стоит отметить факт, что в современном чешском языке, в отличие от русского, нет вариантного чешского словообразовательного средства типа русск. приставки *сверх-* (*сверхмилитаризованный, сверхнадежный, сверхценный, сверхпозитивный*); соответствующая семантика в чешск. яз. должна альтернативно выражаться лексическими средствами, т. е. наречиями *obzvlášť, zvlášť, mimořádně*.

В процессе интернационализации словарного состава славянских языков, в том числе русского и чешского, важное место принадлежит **суффиксации**. Относительно высокой продуктивностью отличаются прежде всего именные суффиксы *-изм/-izmus, -(из)ация/-(iz)ace, -истм/-ista*.

Для номинации общественно-политических процессов, произошедших в бывших соцстранах, потребовались новые процессуальные существительные, что и выразилось в активизации суффикса *-(из)ация/-(iz)ace*. В новейшее время, кроме ряда узуальных существительных, с помощью этого суффикса в спонтанной речи легко образуются окказиональные слова. Кроме приведенных выше новообразований с приставками *де-* и *ре-* это, например, такие выражения, как русск. *балканизация, белоруссизация, долларизация, ливанизация, украинизация, эстонизация; аппаратизация, векселизация, велосипедизация, дебилизация, зарплатизация, информатизация, кокаколонизация, коммерциализация, купонизация, легитимизация, люмпенизация, рублевизация, третьемизация;*

чешск. *digitalizace, kabelizace, komputerizace; banánizace, dolarizace, ekologizace, ghettizace, hamburgerizace, mafianizace, prevítizace*). Судя по доступным источникам и речевому опыту, в сфере спонтанного словотворчества и в публицистике этот суффикс намного более активен в русской языковой среде.

В чешском языке, в свою очередь, более активным, чем в русском, кажется суффикс *-ист/-иста* в новообразованиях с основным значением «лицо, характеризующееся свойством, взглядом, сферой занятости, которые названы мотивирующим словом» (русск. *ельцинист, уклонист, этноцентрист*; чешск. *katastrofista, klausista, režimista*). Этот факт в системном плане объясним тем, что в русск. яз. для выражения некоторых частичных значений в категории *Nomina actoris* отдается предпочтение русскому суффиксу *-щик/-чик, -ник*, между тем как в чешск. яз. словообразовательная активность главным образом суффикса *-ník* уменьшается (ср. русск. *переспоечник/чешск. přestavbista*). Хотя суф. *-ист* считается в русск. яз. наиболее руссифицированной заимствованной морфемой, он и в новейшее время предпочитает (так же, как и в чешск. яз.) образовывать новые выражения от заимствованных слов (русск. *альянсист, лоббист, металлист, солидарист, толкинист, экологист*; чешск. *bazarista, designerista, galerista, graffitista, heroinista, hifista, lobbista, mobilista, nikotinista, scifista, sloganista*). Кроме исследуемых тематических областей новые существительные с этой приставкой в чешск. яз. возникают прежде всего в профессиональном общении, в области вычислительной техники и спорта (*amigista, atarista, dosista, internetista, modemista, scannerista; aikidista, cyklotrialista, duatlonista, florbalista, inlajnista, kendista, korfbalista, softbalista*)

Менее продуктивен в обоих языках суффикс *-изм/-ismus, -ismus*, участвующий в образовании новых слов, обозначающих отвлеченные понятия. Судя по уделяемому этому суффиксу сравнительно малому вниманию со стороны русских лингвистов, он занимает в процессе интернационализации словарного состава русск. яз. скорее периферийное положение (*лаокинизм, хулиганизм*). В чешск. яз. новообразования с этим суффиксом возникают в основном в области публицистики, часто в качестве окказиональных выражений со стилистическим оттенком неодобрения и проники (*apriorismus, dirigismus, konzumismus, lobbismus, olympismus, redukcjonismus, sexismus; blábolismus, (vlez)doprdelizmus, (je)třebismus, freizimmerismus, musismus, velkohubismus*).

Последние два десятилетия развития славянских языков характеризуются ростом аналитизма и черт агглютинации в их словообразовательных системах. Одним из наиболее заметных проявлений этой тенденции является резкое увеличение числа сложных лексических единиц, в образовании которых принимают участие т. наз. аналитические прилагательные иноязычного происхождения, стоящие в препозиции и выполняющие функцию определения. Речь идет об интернациональных корневых морфемах типа русск. *авто-, био-, видео-, кино-, порно-, радио-, ретро-,*

стерео-, теле-, эко-, электро-, фото-, чешск. *audio-, auto-, bio-, cyklo-, dia-, eko-, elektro-, euro-, foto-, moto-, porno-, profi-, radio-, repro-, stereo-, tele-, video-* и т. д., а также о препозитивных морфемах с количественным значением типа русск. *гипер-, макси-, макро-, микро-, мини-, мульти-, ультра-*; чешск. *makro-, mikro- mini-, multi-, hyper-, super-, ultra-*. Данные словообразовательные элементы свободно сочетаются с основами как иноязычного, так и славянского происхождения, образуя новые слова терминологического и нетерминологического, часто окказионального характера, и способствуя, таким образом, дальнейшей интернационализации словарного состава славянских языков (ср. русск. *автомагнитола, биополе, видеопират, кинореклама, порнофильм, радиожурналист, ретростиль, стереозапись, телепокупки, экосоциализм, электромо- биль, фотомодель; гиперинфляция, макроэкономика, микроклимат, мультикультура;* чешск. *audiokazeta, autovrak, bioplyn, cyklostezka, dia- potraviny, ekovýrobek, elektromobil, euroměna, fotožurnalistika, motorikša, pornoherečka, profiliga, radiobudík, repsoustava, stereoobraz, teleinzerce, videostěna; makroukazatel, minivěž, multivitamín, ultramaraton*).

Сопоставляя продуктивные в новейшее время в русск. и чешск. яз. словообразовательные модели, приходим к заключению, что тенденции к агглютинации и интернационализации все-таки более активно проявляются в русском языке, так как, например, репертуар аналитических прилагательных в русск. яз. включает также тип словообразовательных препозитивных элементов, которые чешской словообразовательной системе не свойственны. Речь идет об иноязычных лексических элементах типа *бизнес-, блиц-, пресс-, поп-, рок-, стресс-, секс-, шоп-, экспресс-* и др., выполняющих в сложных словах роль аналитического прилагательного (*бизнес-клуб, блиц-визит, пресс-секретарь, поп-звезда, рок-тусовка, стресс-фактор, секс-меньшинство, шоп-туризм, экс-пресс-информация*). В чешск. яз. для выражения подобных понятий необходимо воспользоваться словосочетанием с полной формой прилагательного (*podnikatelský klub, blesková návštěva, tiskový tajemník, hvězda populární hudby, rocková párty, stresující faktor, sexuální menšina, nákupní turistika, expresní informace*). Можно даже предположить, что данная эволюционная типологическая дивергенция между сопоставляемыми языками будет постепенно увеличиваться по мере закрепления в русском языке новых заимствований и их превращения в потенциальные аналитические прилагательные.

ЛИТЕРАТУРА

- БЕНКОВИЧОВА, Я. Инновации в современной русской и словацкой лексике. In: Porovnávací opis statiky a dynamiky súčasného ruského jazyka z teoretického a praktického hľadiska. Bratislava : Stimul, 1998, s. 43–49.
- ГАЗДА, Й. Интернационализационные тенденции в развитии словарного состава современных западнославянских языков. *Opera Slavica*, 2000, roč. 10, č. 4, s. 29–37.
- ЗЕМСКАЯ, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства. В кн.: Русский язык конца XX столетия (1985–1995). Под ред. Е. А. Земской. Москва : Языки русской культуры, 1996, с. 90–141.
- НЕЩИМЕНКО, Г. П.: Разговорный язык как импульс инновационных изменений в литературном языке (на материале русского и чешского языков). *Slavia*, 1999, roč. 68, č. 1, s. 25–31.
- ШАПОШНИКОВ, В. Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отражении. Москва : МАЛП, 1998, с. 90–102.
- БРАВЦОВА, R. Spoločensko-politické zmeny a jejich odraz v súčasnej češtině. *Slavia*, 1998, roč. 67, č. 1–2, s. 107–112.
- GAZDA, J. Integrace cizojazyčných prvků v slovní zásobě současné ruštiny a češtiny. Kandidátská disertační práce. Brno 1990.
- КОРЕНСКИЙ, J. Metodologické problémy porovnávání vývoje a synchronní dynamiky současných slovanských jazyků. *Slavia*, 1998, roč. 67, č. 1–2, s. 99–106.
- Nová slova v češtině. Slovník neologizmů. Kolektiv autorů pod vedením O. Martincové. Praha : Academia, 1998.
- SAVICKÝ, N. P. Pohyb ve slovní zásobě a v neologii. *Slavia*, 1999, roč. 68, č. 1, s. 3–7.
- ZEMSKAJA, E. A., ERMAKOVA, O. P., RUDNIK-KARWATOWA, Z. Tendencje rozwojowe w slowotwórstwie języka polskiego i rosyjskiego końca XX stulecia. *Slavia*, 1999, roč. 68, č. 1, s. 9–18.
- ZIKOVÁ, N. Slovtvorná charakteristika substantivních neologizmů. Diplomová práce. Brno, 1998.

INTERNACIONALIZAČNÍ SLOVOTVORNÉ TENDENCE V SOUČASNÉ RUŠTINĚ A ČEŠTINĚ

Internacionalizační tendence v rozvoji slovní zásoby současných slovanských jazyků úzce souvisejí s globálními společenskými procesy probíhajícími v celém světě. I když svou podstatou nejde o jev nový, v současných podmínkách nabývá na šíři a intenzitě. Jazyková globalizace se v oblasti lexika projevuje jednak aktivizací lexikálního přejímání, jednak stále častějším využíváním mezinárodních slovtvorných prvků v oblasti neologické nominace. V ruštině a češtině se z tohoto hlediska v oblasti slovtvorby vedle řady srovnatelných procesů projevují některé zajímavé systémové a typologické rozdíly.

Jiří Gazda
Ústav slavistiky
Filozofické fakulty MU
Arne Nováka 1
660 88 Brno

